

1

Мы с Вами маялись пока,
Вы уходили друг за другом
за горизонт, за облака,
за беспредельные срока –
кто ухмыляясь, кто с испугом.

Вы покидали города,
в которых Вы за нас рыдали,
за нас сгорали от стыда –
Вы вечно лезли не туда,
точней туда, где Вас не ждали.

Вы уходили. Мы вослед
ворчали зло и по-старушки.
Но через много, много лет,
от «райских кущ» до наших бед,
Вы нам протягивали души.

И мы тогда внимали Вам,
но и в минуты просветленья
по нашим крохотным умам,
изношенным, испытыв в хлам,
бродили тучные сомненья.

Привычны гнать и спины гнуть
мы только в траура сокрестье,
спровадив Вас в последний путь,
вогнав во гроб, стучали в грудь:
«Убит поэт, невольник чести».

И, до поры осиротев,
попрятав батогов и плети,
мы сокрушённо в суете
вздыхали, – вот ведь, были «Те»,
не то, что нынешние «эти».

Дай, дай, дай, руку дай, дай, дай.
Да протяни же, протяни же, протяни,
хотя бы встречный мне.

3

Когда Всевышний мне назначит встречу,
неважно где, желательно в Раю,
я промолчу про раны и увечья
и вряд ли, вряд ли душу изолью.
Я буду крайне ласков и красив,
а у меня такое за плечами...
я столько лун слезами оросил,
я столько горя вычерпал ночами.

4

Дай, дай, дай, руку дай, дай, дай...
да протяни же, протяни же, протяни
хотя бы встречный мне.
Не проходи и не гадай,
а протяни мне руку, дай
в святое Встреченье.
Остановись, взгляни на Свет,
глаза от неба отведи,
здесь плачет в ночь листва.
Глянь, я такой же человек,
но только с тяжестью в груди
от одиночества.
А имя, отчество?
Есть имя, отчество!
И есть «за пазухой Христа»
ещё места.
Она пуста.
Она пуста, как эта ночь,
как этот лес.
Я знаю,

дьявол лез в объятия Христа,
и неспроста
он увивался за Христом и в душу лез,
и всё же влез.
Украл и продал за гроши.
Его души
крупницы чистые
пропил и промотал.
Ты не спеши, прохожий,
слышишь, не спеши –
быть может, кто собрал её и залатал.
А пух с небес слетал,
и лес светал.

5

Не прихоть это и не шалость, нет,
я не намерен воду пить из Леты.
Я вынужден идти под красный свет
и перешагивать через запреты.
Не гений я, семь пядей нет во лбу,
лишь обстоятельств предрекло стеченье,
что я против течения гребу,
в то время как другие – по теченью.
Я жгу мосты, царапая гранит,
срываясь, лезу по отвесным скалам.
Пока что жив: Господь меня хранит
назло завистникам и зубоскалам.
Да знаю я о том, что стражи лжи
за мной погоню вышлют непременно,
меня не раз поднимут на ножи
и будут кровь пускать, вскрывая вены.
Я знаю, будут многие, кляня,
меня топтать презреньем и смешками,
уже сейчас загонщики меня
обкладывают «красными флажками».
Уже сейчас отвесная скала,
воздвигнутая ими, рвёт бока мне
за то, что я в кривые зеркала
бросаю, не раздумывая, камни.

6

А пух с небес слетал,
и лес светал.

Лес вырубался на мосты
и на кресты,
что вынес ты.
Теперь не приняты кресты,
а только ведь,
когда народ наш, оставляя, жёг мосты,
он землю целовал и крещеную медь,
чтоб не реветь.

В земле крещённые тела,
она цела.
Спит на костях, что в ней – крестом.
И это Русь.
Так пусть же крещёная спит, а купола
пускай беседуют с Христом,
с ним делят грусть.

Как память, пусть
с ним делят грусть.

Пусть, пусть, пусть она останется,
колокольная, набожная, да издавна,
да издавна печальная.
По Руси впотьямах,
впотьямах плутает странница –
наша вера,
наша память, наша вечная надежда
и отчаянье...
и чаянья.
Поизносились посоха,
стара надежда и глуха
на воскрешение.
Истцы, уйдя от дум, долгов,
смеясь, глядят теперь с Голгоф
на подношения.

Их отрешение –
нам в утешение.

7

Я странствовал среди сирот и нищих.
Я выпотрошил сердце до трухи.
Пусть за грехи с меня по полной взыщут,
а если повезёт, и за стихи.
Не торопясь по кущам протрушу,
прокашляюсь, отмоюсь, отыкаюсь.
Я за друзей, конечно, попрошу.
Я за врагов безропотно покаюсь.

Приемлю всё: и нравы, и устои,
не поношу ни тот, ни этот Свет.
Я умер, я постиг, чего мы стоим, –
цена на нас растёт, когда нас нет.
Приемлю.
Это раз, а во-вторых
(и во-вторых, и в-третьих, и в четвёртых),
я умер!
Я «живее всех живых»!
Живые, Вам равнение на мёртвых!

Их отрешение –
нам в утешение.

Утех!

Нет памяти у тех,
у тех утеряна она,
весна, надежда и любовь,
кто верил низкой частоте,
у тех, уставших от потех,
кто мёртвым всё же выплыл на
поверхность в этой суете.
Они – не те? И мы – не те?

Но бродит тень, пугает нас
изящных фраз скользкий бег,
как свист плетей, звенят лады
и хлещут души и сердца.
В трясине по уши увяз
в слепом безверье человек,
в слепом предчувствии беды,
и маска сорвана с лица.

Кровь на лице, а на руках,
а на руках осталась грязь.
Мы по природе игроки,
и по душе нам ветер в лоб.
Но остаётся в дураках,
кто над опекою смеясь,
наветам мудрым вопреки
всю жизнь срывается в галоп.

Всё так, оно, конечно, так.
Они просты до смехоты
в слепом безверии души
и неумении прощать,
но в их недожитых летах
помеха я, помеха ты,
помеха все, кто поспешил
их песню тризной увенчать.

В болоте лжи, не настилая гать,
я жижу пью, бреду по бездорожью,
чтоб те, что сзади, не смогли солгать
и замести следы красивой ложью.

Нет, я себя от ран не бороню,
я в сердце равнодушья плаваю льдину,
роняя кровь, хрипя, гранит граню,
и лезу в грязь, и разгребаю тину.
«Самгинские сомненья» я убил.

Вопрос нелеп, хотя красив и бросок:

«А был ли мальчик?»

Да, конечно, был!

В нём был ответ на лживые вопросы.

Не ходил он ко лжи на поклон,
и душа не нуждалась в пажах,
но когда приняла под уклон,
он её не сдержал на вожжах.
На пути попадались
не те,
не смогли
ни помочь,
ни подпеть.
И всю жизнь один
к высоте
полз хрипя,
чтобы там умереть.

Кто доказывал с пеной у рта,
и бродили слова по зубам, –
это, мол,
не твоя высота
и тебе она
не по зубам.

Не такие, как ты, на поклон
возвращались от самых небес.
Ты одумайся, парень!
А он
всё стонал, всё хрипел...
и долез!
Выиграл честно, без обиняков.
Он поднялся, к чему нам грустить.
До сих пор не нашлось смельчаков,
чтоб на землю его опустить.
Но и там, презирая покой,
он устало прошёл по ладам.
Видно, горе земное рекой
растеклось и по райским садам.

Здесь, наверху, без панциря, без мяса,
без путаницы генов, хромосом,
я лёгок, свеж, раскован, распоясан.
Неуязвим. Невидим. Невесом.
Не вызваны к барьеру подлещи...
не брошены перчатки негодяям...
ну что ж... я умер. Я отдал концы.
Я всем доступен, но
недосягаем!

Дай, дай, дай,
руку
дай, дай, дай!
Да протяни же,
протяни же,
протяни,
хотя бы встречный мне!
Не проходи и не гадай,
а протяни мне руку, дай
в святое Встреченье.
Всё позади: и топь, и гать.
Не свят. И света не видеть.
Сбылось пророчество.
Увещеваний тишь да гладь –
не блажь, не божья благодать,
а одиночество.

А имя-отчество?
Есть имя-отчество!

И есть душа,
что, боль глуша,
жила спеша.
Она не ведала предел,
ей мир был мал.
Но душу мгла,
утробным холодом дыша,
сковала льдом и умыкнула.
Кончен бал.
И я тогда покинул кров.
Последний край,
где горлом кровь и воск с виска,
мне дал приют.
Оттуда нет возврата, нет.
И он – не Рай.
И там не лгут,
не продают,
не подают.
А если что поют –
аж душу штопают.

Там все полотна
в два мазка,
там замки плотны

из песка,
там вскользь, сквозь досточки,
и плотоядна, и мерзка,
врачует путников тоска
и моет косточки;
и вяжет петли, вьёт, кружит,
шаманит, шепчет, ворожит.
За нею, по следу,
до срока времечко бежит –
зудит, торопит,
аж дрожит –
сживает со свету.

Поймёшь всё после ты,
как сгинешь со свету.

Истёр я слёзы досуха,
до «без греха».
И так решил:
пока живу, пока спешу,
души не чая,
прочь отбросил посоха,
прильнул к душе, –
дай отогрею, отдышу.
Ещё не срок.
А грянет срок – и отпоют.
И заколотят, отрыдают
задарма.
А край, где кровь, –
не край, не кров и не приют,
и мглы сума – не для души,
не для ума.

И я к Создателю в мольбе:
не торопи, поблажь себе
во искушение!
Не прибирай ни в Рай, ни в Край,
повремени и время дай
на воскрешение!
Дай срок,
хотя бы небольшой,
соедини опять с душой,
а мы помаемся:
побалагурим-посмешим,
набедокурим-согрешим...
да и покаемся.